

● Б. Рунге, В. Байков, Р. Александров, В. Козел, А. Паленов и О. Аросева в спектакле «Рыжая кобыла с колокольчиком».

Фото А. Иваншина.

«ЯБЛОЧНЫЙ РУНГЕТ...»

Культура. — 1994. — 29 окт. — с. 5

В новом сезоне Театр сатиры отмечает свой 70-летний юбилей. 44 года на его сцене играет народная артистка России О. Аросева.

— Что вспоминается в эти дни? — спросила у Ольги Александровны наш корреспондент Татьяна Петрико.

— Конечно, прежде всего вспоминаю друзей — артистов, с которыми прошла в театре вся моя жизнь. Это было военное поколение, много повидавшее, но романтически настроенное по отношению к своей профессии... Борис Рунге, Анатолий Паленов, Владимир Козел, Родион Александров, Юрий Сокозин, Виктор Байков. Женщины являемого призыва описались кратко, а мужчины все ушли.

Зерплате тогда была очень сильно мучительная. Почти все свелись в общепит, но домом считали театр, а нам, можно сказать, и жили. Были заняты в спектакле, вот ли — все равно приходили сюда. Праздники отмечали. Новый год встречали. До сих пор помню меню из фамилий: яблочный Рунге, Аросенок с хреном, Палангушки с медом, шипуче Сокозин, Козлик в маринаде. Наше нищая, но веселая молодость наложила свой отпечаток на характеры, даже на судьбы этих людей. Не были они ангелами. И выпивали, и спорили, но было в них что-то такое порядочное и надежное... Сейчас говорят: «Ажурный обмелчал», про них трудно кто-то бы не мог сказать.

Конечно, больше всего вспоминаю у меня связано с Борисом Васильевичем Рунге, с которым мы учились в театральном, выступали на одной сцене, а потом много лет играли в телевизионном кабачке «13 стульев». Его «пан профессор» соответствовал доброй натуре Бориса: он был подростком наивным до конца своих дней. (Вряд ли он смог бы понять некоторые вещи, происходящие с нами сегодня и в жизни, и в театре).

Он воевал, пришел в армию попал в сильно известным артистом», сыграв в 13 лет, в 37-м году, Петю Бачея в картине «Беллет перу одноклассник». Фильмов тогда выходило мало, а

много были влюблены все девочки, в том числе и я. Находясь на фронте, он участвовал в самодеятельности, пел, танцевал, играл скетчи, что, несомненно, прибавило ему популярности — куда бы мы ни попадали впоследствии на гастроли с концертами, всегда за кулисы приходил какой-нибудь однополовец. Похоже, его знала вся армия.

В театре он вначале играл подростком и играл их долгие. Китайского мальчика в спектакле «Пролитая чаша», Велосипедкина в «Бане». Он был невысокого роста, худенький, хорошенький. А потом незаметно для всех стал седесть, поплыть и превратился в солидного мужчину. Помню, как-то на гастролях я окликала: «Боряка!», а проходящая мимо администраторша сказала: «Ничего себе, дедушка почтенный, седей, а вы его так называаете».

Он был очень скромный человек, не умел постоять за себя. Его профессор из кабачка «13 стульев» носил бороду и усы, и без них Рунге никто не узнавал. Я ему даже как-то в шутку посоветовала, чтобы он ходил в гриме, почувствовал бы свою популярность, — но где там! «Мне неловко», — ему все было неловко. Если уж очень нужно было что-то достать в магазине, он просил меня: «Пойди, пожалуйста, тебе дадут».

Анатолий Паленов был, безусловно, лидером нашего театрального поколения и в вообщего театра, в котором он прошел путь от массовки до настоящего мастера. Своей популярностью он стеснялся, надевал черные очки, чтобы не узнали. Был случай, когда он возвращался со съемки домой в электричке. Волосы выпрашены в белый цвет, на носу черные очки. Навстречу оказался милиционер. Толя стал ему подобострастно утихать, чем навлек еще большее подозрение. Кончилось все тем, что ему предложили пройти в отделение. А однажды он подвожил меня в бассейне «Москва» и нарушил правила. Мы пошли объясняться с милиционером, тот расплылся в улыбку: «Пави Моника, к

вам никаких претензий, а вот вашего шофера я накажу».

Он в жизни мало был похож на артиста. Не любил шикарно одеваться, не любил говорить о себе. Он больше не бдлал за другими, внимательно слушал. О его работах написано много, да и играл он много, но я уверена, что ему по плечу были любые роли, и он, к сожалению, их не успел сыграть.

Мало кто знал, что он вернулся из армии тяжело раненным, с ампутированной частью ступни. С палкой он ходил на уроки танца в клуб «Каучук». Роля у него были все поджиги. В спектакле «Где эта улица, где этот дом» он вообще слово плясал, не говоря ни слова. А в «Клоузе! Надо было врать, как он делался а танце. Зритель ни о чем не догадывался — ни о боли, ни об усталости.

Владимир Козел — милейший, деликатный человек. Он был настолько импозантным мужчиной, что никому в голову не пришло бы предложить ему роль чернорабочего. В нашем «Кабачке» он был хозяином, паном Беспальником. Когда картина «Адъютант его превосходительства», в которой он сыграл должковника Щукина, вышла на экраны, Волода стал необычайно популярным. Как-то для зарубичной поездки артистам нужно было получить справку из психлечебницы (о том, что ты там на состоишь на учете). Владимир Георгиевич пришел, поклонился к окошечку регистратуры и своим роскошным, бархатным голосом произнес: «Здравствуйте, я — подполковник контрразведки Щукина, а в ответ услышал: «Проходите, пожалуйста, у нас тут как раз Николай II на отдыхе». К счастью, очередь узнала его раньше, чем мадестра, и закричала, что он артист, «его превосходительство».

Под стать ему был Родион Александров — высокий, очень эlegantный. Вот кому бы стать кинозвездой! Но в фильмах из колхозной жизни ему тоже ничего было делать, вот и его в кино не особенно приглашали. Аристократизм был во всей его фигуре. Как на нем фраз си-

дел! И играл, как сказали бы в старину, фразичных героев! Тем, в одном из спектаклей, Редя в «Доме, где разбиваются сердца».

Он был страстным охотником. Как-то в Ленинграде на гастролях Рода... не пришел на спектакль! Появился лишь на следующий день, мы бросились к нему: как! что! А он — так мечтательно: «Мы не понимали, сейчас же терпеть току-ю». Когда Плущек поинтересовался, что все-таки артист говорит в свое оправдание, ему так в точности и передал: терпеть, мол, токует. Ждали грозы, но Валентин Николаевич рассмеялся: «Это нужно простить, не каждый имеет такую благородную страсть».

Юрий Сокозин — веселый человек, отличный опереточный курс при ГИТИСе. Если в спектакле нужно было петь, танцевать, он был незаменим. С удовольствием пел частушки, веселые куплеты, которых знал огромное количество. Он играл в театре Шуру Балаганова в спектакле «12 стульев», а в «Кабачке» — глуповатого таксиста. У него не было больших, главных ролей, но все его маленькие роли, как блестящие, являлись украшением спектакля.

Виктор Байков, создавший много остроумных образов в театре, невозмутимый пан Вотреба в нашем «Кабачке». Витудозный, предпочитавший обиграть его было невозможно, но и проигрывать было — одно удовольствие. К концу жизни он тяжело болел, ему ампутировали ногу, но он до конца своих дней оставался в театре. Специально для него придумали мизансцены. А в ретивый зал артисты носили его на руках, на четвертый этаж, по маленькой лестнице.

Я думаю, что все те, которых уже нет, счастливы были бы стоять в день 70-летия театра на сцене вместе с нами. Каждый из них был личностью, обладающей удивительными, человеческими достоинствами. Я благодарна судьбе за то, что она свела меня с этими людьми. В сегодняшней сумасшедшей жизни мне так их не хватает!